

Татьяна Пороховщикова

205

Вера Алентова 1907 - 14 апреля 1985 - с.в.

В ЭТУ ЛЮБОВЬ ВЕРИЛИ ТОЛЬКО АЛЕНТОВА, ЗБРУЕВ И САМИ ПОРОХОВЩИКОВЫ

Их отношения по всем законам любви должны были закончиться ничем. Или не состояться вообще. На их пути стояло множество преград: его профессия (актер), имя (**Пороховщиков**), артистическая богема (унижавшая ее на протяжении первых лет их романа), время, предшествовавшее их семейной жизни (около 10 лет). Меня лично всегда поражала ее способность так любить. Слишком много "против" было на пути этой love-story.

Ирка в черных очках. Я говорю: ну сними, сними, черт тебя возьми, я глаз твоих не вижу!..

— **Роман ваш прогремел на всю Москву.**

— Я после школы собиралась поступать в ГИТИС на театроведческий — а для этого нужен был 2-летний стаж в каком-нибудь театре. Что делать? Пошла в Театр им. Пушкина. Сначала стажеркой, а потом костюмером. А Саша тогда работал в Театре на Таганке. У нас, в Пушкинском, ставилась "Оптимистическая трагедия", и его пригласили на главную роль. Он приходил на репетиции, а я все время бегала с костюмами. Он думал, что кто-то своего ребенка привел — дома не с кем оставить: ну совсем тогда маленькая соплюшка за кулисами бегала. Потом, конечно, выяснилось, что я здесь работаю, что мне пятнадцать лет и все прочее.

— **Сколько-сколько?**

— Пятнадцать. Говорю — стаж зарабатывала... Ну это было потрясающее знакомство! Саша тогда не пропускал мимо себя ни одной женщины, а я к нему какую-то неприязнь чувствовала. Понимаешь, у меня была школьная подруга Лиля, вот она его обожала. Мы с ней прогуливали школу — подруга таскала меня в кинотеатры на фильмы с его участием. Она собирала о нем какие-то вырезки. И мне было обидно: у нас была своя компания, свои мальчишки — а она все меньше и меньше уделяла нам внимания, и мне казалось, глупо влюбляться в какого-то актера, просто время впустую тратить. И я его стала даже как-то ненавидеть, представляешь? Я еще у нее спрашивала: Лиль, как это можно влюбиться в льсяго? Уже потом, когда я выходила замуж, я ей позвонила, говорю: Лиль, я замуж выхожу, знаешь, за кого? Когда я ей сказала, повисла долгая пауза, и она начала так рыдать! Хотя ведь сама уже замуж за кого-то собиралась. Она до сих пор считает, что я украла у нее мечту.

— **Ну ничего себе! То ты его ненавидишь, то замуж выходишь, то он не пропускает ни одной женщины мимо, то вдруг женишься!**

— Когда мы с ним познакомились, ему было всего 40 лет: молодой, красивый, с женщинами кокетничает. Я его сторонилась. И помню как-то пробежала между репетициями по сцене — он навстречу: "Как тебя зовут?" — "Ира". — "Точно Ира? Не Таня?" — "Точно, Ира". — "А где же ты живешь?" Я так растерялась, говорю: "На Комсомольском проспекте". А он: "О! Там магазин "Дары природы" есть — очень хорошую капусту квашеную продают. Давай я тебе банку дам, ты мне ее привезешь". Это было первое, что я от него услышала.

— **Привезла капусту?**

— Да что ты! Я так растерялась — какая тут капуста? Я бы, может, и привезла — но не знала, как ее отдать, как себя вообще вести. Вот так у нас началось.

— **Роман?**

— Почти. Такие чистые-чистые отношения. Знаешь, как было: во время спектакля, когда в зале на несколько секунд гаснет свет, Сашка сидит рядом с помрежем, а я стою с костюмом (переодевать его для следующей сцены). И вот пока эти несколько секунд темно, он протягивал мне руку. И так мы и держались за руки. А потом, когда снова зажегся свет, он выходил на сцену. Но вот этих секунд, понимаешь, мне на целый год хватило. Я была счастлива! Помню, как-то он попросил у меня телефон. А записать ему было не на чем. И я записала на обратной стороне какой-то висящей афиши. А утром бежала в

театр: мы договорились, что если телефон будет зачеркнут, значит, он его переписал. Я потом несколько дней сидела и ждала его звонка. Позже, где-то через год, он пригласил меня на первое свидание. Я думала, пойдём в кино, все будет оборачиваться. А он меня пригласил в пивной бар на Таганке — там всегда актеры с театра на Таганке собирались.

— **Как тебя встретила публика?**

— Пришел Золотухин и сказал: "Саш, ты что, внушку свою привел?" А Сашка был очень доволен: рядом с ним девочка шестнадцати лет сидит, в рот ему смотрит.

— **Интересно, он как-то тебя представлял друзьям?**

— Сначала: "Моя девушка". Потом: "Моя невеста". Сейчас: "Моя жена". "Девушкой" я была около 6 лет. Никто, конечно, не воспринимал наш роман как что-то серьезное. А мне хотелось, чтобы все знали — это очень серьезно, мне хотелось сказать: посмотрите, как он за мной ухаживает, почувствуйте, как я его люблю! Но... Мы были на гастролях в Барнауле — первые гастроли в моей жизни. Саша был на съемках — его со мной не было. Мне позвонил Саша, и моя соседка по комнате услышала наш разговор. Естественно, пошли слухи и весь этот ужас.

— **Да у тебя руки дрожат!**

— Уже почти 16 лет прошло. Но мне до сих пор очень больно вспоминать... Ко мне подошел один известный, уважаемый человек, царство ему небесное! Он был секретарем парторганизации, не буду сейчас называть его имя. Подошел и спросил: "Тебе ведь 16 лет? И у тебя ведь роман с Пороховщиковым? Ну что ж, будем решать". Я так испугалась: как решать, что решать? Вся ночь проплакала.

— **Что решать?**

— Там, на гастролях, собрали партбюро и без нашего участия решили, что мне нужно уехать, уйти. Осуждали, конечно, только меня. Каких только эпитетов в мой адрес не отпускали... Я пережила что-то ужасное. И единственный человек, которому я до сих пор благодарна, — Вера Алентова. Она сказала: "Оставьте девочку в покое. Если она уедет в Москву, я уеду вместе с ней". Она только-только снялась в "Москва слезам не верит", была в театре ведущей актрисой и, представляешь, из-за того что она им пригрозила отъездом, меня оставили в покое.

— **А Александр Шалвович, как он ко всему отнесся?**

— Он сам первые годы нашего романа не верил, что со мной можно построить отношения на всю жизнь. Поэтому у него была своя жизнь.

— **Ты ревновала?**

— Очень. Страдала. Переживала. Он мог прийти домой ночью, я ему звоню, спрашиваю: что случилось, почему не позвонил? А он мог сказать: а кто ты такая, чтобы задавать такие вопросы? И я ему говорила: я твоя жена. Я уже тогда считала, что жена. Я думала, что если ты с человеком рядом, значит, ты ему уже жена.

— **Какова была реак-**

ция твоих родителей на то, что такая маленькая девочка, любимая дочка, вдруг...

— Моя мама была в шоке: у них разница с Сашей всего в несколько лет — почти ровесники. Но после одного случая все изменилось. Мама была знакома с Александром Збруевым. И мой Саша с ним как-то поехал на пробы, кажется, в Киев. После возвращения Збруев нам позвонил. Я взяла трубку и услышала его голос: "Дай мне маму!" Он говорил с моей мамой час. Потом я узнала, что, когда они возвращались из Киева, всю ночь разговаривали обо мне. И Збруев тогда сказал маме: "Постарайтесь им не мешать". С тех пор мои родители больше доверяют Саше. Даже в спорах занимают его сторону.

— **Кто же тебе помогал морально в первые годы?**

— Сама. Я никому не говорила, как мне плохо. Его друзья вообще не замечали меня. Как-то, помню, Саша, Филатов, Друбич снимались у Соловьева в Колумбии. Он уехал на месяц, я думала, у меня жизнь закончилась. Не представляла: как это я месяц проживу без него? Я каждый день вычеркивала в календаре дни. И я решила — поеду его встречать. Я позвонила одному из Сашиных друзей и попросила взять меня в машину. Он отказался. Но я все равно приехала в аэропорт. В белом сарафанчике, с цветками. А раньше "Шереметьево" было совсем другое: если и приходили заграничные рейсы раз в день, то это было настоящее событие. Аэропорт был совсем пустым... И так я сильно волновалась, что меня таможенники пропустили за эту черту, знаешь, ее уже "заграница" называют. И вдруг я вижу, что Сашу встречает другая женщина. Ее привез Сашин друг, который не хотел брать меня в машину. Я стою в стороне: не жена, не невеста. Кончилось тем, что Са-

ша взял мои цветы и передал их той женщине. И мимоходом сказал: "Я тебе позволю".

— **Как же это ты пережила? Я бы и ее, и его, ей-богу, застрелила!**

— Так и пережила.

— **Через сколько дней он тебе перезвонил?**

— Дня через два.

— **И ты простила?**

— Я тогда прекрасно понимала: я еще для него никто. Но верила во что-то большее, в будущее. Знаешь, как говорит жена Святослава Федорова (**Пороховщико** и **Федоровы дружат**. — **В.С.**): я оправа, Святослав — бриллиант, но только когда мы вместе, мы — произведение искусства. Я же тогда для Саши была просто... каким-то хвостиком. И очень стремилась ему соответствовать.

— **Что ты для этого делала?**

— Он сказал: пойдешь учиться — тогда женюсь. Потом: вот когда закончишь третий курс, принесешь зачетку, тогда и... Я закончила третий на все пятерки. Потом четвертый, пятый. Принесила зачетки, но он так и не женился. Я потом поняла почему: он настолько привык быть один — ни разу не был женат.

— **Но все-таки женился...**

— Я сама ему как-то сказала: все, хватит, идем в загс. Утром встали и были в полной растерянности: куда идти, что там нужно делать? Сашка говорит: позвони тому-то, он знает, куда идти и что делать — 10 раз был женат. Пришли, объясняем, что мы хотим расписаться прямо сейчас, 13 мая — потому что для Саши это число счастливое. Кончилось тем, что Саша сидел в окружении женщин, раздавал автографы, а я бегала оформляла бумаги, платила деньги в сберкассу... До сих пор многие не верят, что мы расписались. Когда я звоню Юрию Мефодиевичу Соломину и представляюсь Пороховщико

вой, он говорит мне: "Жукова, привет!"

— **Сколько лет прошло, прежде чем вы приняли это историческое решение?**

— Тринадцать, кажется. Ну да, 16 лет мы вместе, три года назад расписались.

— **Когда ты почувствовала, что он тобой стал дорожить?**

— Как-то постепенно это все произошло. Он действительно очень сильно изменился. Я думаю, наша семья сложилась вопреки всему — все было против нас. Его мама, которую можно было понять: ну что могла дать ее сыну 16-летняя пигалица? Его друзья, которым он нужен был холостым — встречи, вечеринки. Обстоятельства: Саша относился ко мне совсем иначе, чем сейчас. Он был абсолютно другим человеком, абсолютно, понимаешь? Он к женщинам относился несколько свысока, у него всегда было много поклонниц, цветов и подарков

после спектаклей. Он просто не привык принадлежать одной женщине. Ему совершенно не нужна была семья, хотя по натуре он семейный человек.

Когда-то, в самом начале наших отношений, я могла выбежать из дома поздно вечером, взять машину и поехать искать его — чтобы только увидеть. Потом все стало иначе. Он стал приезжать ко мне в институт, встречать. Ждал меня на остановках. Объезжал улицы, аллеи, по которым я возвращалась домой. Стал переживать, если я задерживалась. Я поняла, что это стало необходимо не только мне, но и ему. Потому что он стал делать то, что когда-то делала я... Знаешь, как он меня однажды протестировал? Оказывается, он всех женщин спрашивал: "А что ты будешь делать, если за мной, как за дедом, придут, и я начну отстреливаться?" Все женщины ему отвечали вопросом: "А что случилось? А что ты натворил?" Когда он меня спросил: "Что ты будешь делать?", я сказала: "Подавать патроны!" Потом он признался, что это стало отправной точкой в его отношении ко мне.

— **Ты почувствовала облегчение, когда ты стала частью его жизни?**

— Чувство свободы — вот что я почувствовала. И какое-то торжество. Восемь лет прошло, прежде чем все стало меняться в наших отношениях.

— **Восемь лет страдать — боже праведный! У тебя не возникало желаний бросить все?**

— Страдать? Да я была счастлива! В моей жизни ничего другого не было, и мне казалось, что именно так и должны строиться отношения. Я настолько была да и сейчас уверена, что Саша — мужчина моей жизни, что он самый мудрый, самый умный, самый талантливый.

— **Что тебе говорили подруги?**

— Какие подруги! Что я им могла рассказать? Вик, мне настолько нечем было хвастаться, настолько стыдно было, что я никогда никому не смогла бы об этом рассказать.

— **Слушай, а кто, интересно, первым признал вас семьей, стал приглашать куда-нибудь как мужа и жену?**

— Саша Михайлов. Но самая первая — Вера Алентова, когда она на партбюро встала на мою сторону. Не знаю, что она тогда ко мне испытывала, но, когда она поехала куда-то за границу с фильмом "Москва слезам не верит", она мне подарок привезла. Алентова — прима, звезда. И я — молоденькая костюмерша. Она привезла мне какие-то тапочки, я их до сих пор храню.

— **А что тебе дарит муж?**

— Мне очень не везет на его подарки. Я их теряю. Цепочку с изумрудным кулоном — сорвали с шеи. Потом на весь свой гонорар с "Тридцатого уничтожить" Саша купил мне комплект: колье, браслет и клипсы с бриллиантами. Помнишь, ты все еще умилялась над браслетом на премьере "Цензуру к памяти не допускаю"? Вот в этот же вечер я браслет и потеряла. На премьере "Ревизора" потерялась клипса: ее все гости потом искали по залу.

Но все это мелочи. Самое главное — он, Саша. Человек, которого я не хотела и не хочу терять. Несмотря ни на что. Потому что я его очень сильно любила и люблю. Это мое счастье. Когда нашему знакомству исполнился год, я позвонила ему: "Саш, нам ровно год!" Мне тогда казалось, что это так много! А сейчас прошло 16 лет, и мне кажется: 16 лет — это так мало...

Вика САРЫКИНА